

Тлеющий окурок послушно угас в пепельнице, оставив после себя лишь струйку серого дыма. На лице Янь Чжисина не отразилось ни единой эмоции. Он держался с тем холодным, почти пугающим равнодушием, какое свойственно людям, привыкшим игнорировать чужие драмы. Мужчина словно и не заметил только что отгремевшей ссоры, как не услышал и тихого, отчаянного призыва о помощи, сорвавшегося с губ омеги. Вся его властная фигура буквально излучала неприступность.

Сквозь едва заметную щель между тяжелыми шторами пробивалось прохладное дыхание ночи. Чжисин стоял неподвижно, и по его безупречной осанке было ясно: вникать в столь ничтожную неурядицу он не намерен.

Но статус хозяина приема, вероятно, накладывал определенные обязательства. Сделав несколько неторопливых шагов к стене, он приблизился к висевшему на ней редкому, баснословно дорогому полотну. Рядом, искусно замаскированная драгоценными камнями, едва заметно выступала кнопка вызова прислуги.

Чжисин снизошел до легкого прикосновения к инкрустированному выключателю. Шэнь Яо заворуженно наблюдал за каждым его движением. Спустя мгновение в дверь вежливо и тихо постучали.

— Войдите.

Голос хозяина Шэнь Яо услышал впервые — глубокий, бархатистый баритон. Долгие годы, проведенные за границей, оставили легкий отпечаток на его выговоре: интонации казались слегка непривычными, отчего его речь звучала еще более сурово и отстраненно.

Створка беззвучно подалась назад. В комнату скользнул слуга, а следом за ним вошел мужчина в строгом деловом костюме — судя по всему, личный секретарь или помощник хозяина дома.

Вошедший лакей благоговейно опустил глаза. Усадьбу достроили и обставили еще несколько лет назад, и все это время он безвыездно нес здесь службу. Однако истинного владельца этих стен он почти не знал — видеть господина доводилось от силы пару раз в год, не говоря уже о том, чтобы получать от него личные распоряжения.

Поклонившись, слуга тихо произнес:

— Господин Янь.

Взгляд слуги невольно зацепился за омегу, сидевшего на диване. Тот был невероятно, вызывающе красив. По влажному блеску его ресниц и пустому бокалу на столике можно было без труда догадаться о разыгравшейся здесь недавней драме.

Профессиональная выучка взяла верх: парень тут же отвел глаза, подавляя даже намек на праздное любопытство.

Чжисин бросил коротко, не терпящим возражений тоном:

— Принесите ему сменную одежду.

Слуга безмолвно поклонился и попятился к выходу. Шэнь Яо поднялся с дивана. Хорошие манеры требовали смотреть собеседнику в лицо, поэтому он, слегка прикусив губу, робко поднял взгляд на Чжисина и вежливо, с покорной грацией склонил голову:

— Благодарю вас за заботу. Вы очень добры.

Янь Чжисин остался холоден как лед и не удостоил его ответом. Зато его помощник понимающе улыбнулся и предупредительно кивнул:

— Пустяки, не стоит благодарности. Костюм доставят с минуты на минуту. Если что-то не подойдет или не понравится, сразу же дайте знать, мы все исправим.

Шэнь Яо признательно кивнул, вновь выказав безупречную учтивость.

Помощник последовал за уходящим патроном. Уже на пороге, закрывая за собой массивную дверь, он бросил случайный взгляд назад и увидел, что юноша снова остался один.

Присев на край дивана, омега изящными тонкими пальцами бережно прижимал к лицу влажную салфетку. Его длинные ресницы были опущены, он увлеченно и аккуратно стирал с кожи следы чужих прикосновений. Почувствовав на себе чужой взгляд, юноша вскинул голову и обезоруживающе, невероятно мягко улыбнулся помощнику, слегка прищулив сияющие глаза.

Тяжелая дубовая дверь захлопнулась с глухим стуком. Помощник работал на господина Яня уже много лет. За это время ему пришлось повидать сотни омег, всеми силами пытавшихся снискать расположение его холодного босса, и со всеми ними он расправлялся безжалостно. Но этот юноша... этот отличался от прочих.

Он казался беззащитной, ручной канарейкой, мечтающей лишь о том, чтобы ее не трогали и позволили тихо петь в своей клетке. Но в его мимолетной улыбке промелькнуло нечто такое... неуловимый, манящий призыв, от которого на мгновение перехватило дыхание. А секунду спустя перед глазами вновь предстал образ абсолютной, невинной чистоты.

Помощник Яня славился своей проницательностью, но сейчас даже этот тертый калач не мог понять: было ли это тонкой, расчетливой игрой или виной всему — то колдовское очарование, которым природа щедро одарила юношу?

В конце концов, редкая красота — это тоже своего рода проклятие.

Мужчина настолько погрузился в свои мысли, что едва не налетел на Чжисина, который внезапно остановился перед лестничным пролетом. Осознав свою оплошность и мимолетную потерю концентрации, помощник поспешно склонил голову, пряча смущение.

Хозяин дома произнес не обращиваясь:

— Хорошо, не так ли?

—...

Помощник промолчал. Годы верной службы научили его главному правилу: в подобные моменты любые слова излишни. Он лишь ниже опустил голову, демонстрируя покорность.

Чжисин положил руку на перила. На его широком большом пальце тускло поблескивал массивный перстень из темного нефрита — благородный, глубокий цвет камня хранил в себе безмолвное величие ушедших веков. Он медленно повернулся к собеседнику. Будучи на полголовы выше своего подчиненного, мужчина смотрел сверху вниз. Резко очерченная челюсть, безупречно уложенные светлые волосы, глубокие лазурные глаза, напоминавшие холодные океанские бездны, — в этот миг он походил на античную статую, сотворенную величайшим мастером.

Его голос прозвучал ровно, без единого намека на теплоту. Озвученный им вердикт был суров и беспощаден:

— Улыбка ангела, а в глазах — холодный расчет и жажда наживы.

Господин Янь повидал немало подобных искателей удачи. И лишь исключительное актерское мастерство этого омеги заставило его снизить до столь подробного комментария.

Помощник шел следом, храня молчание. Он прекрасно знал, что подобные лицемерные натуры вызывают у его хозяина глубочайшее омерзение.

Впрочем, если быть до конца честным, помощник сомневался, что в этом мире вообще существовал омега, способный тронуть ледяное сердце Янь Чжисина.

Ждать пришлось недолго. Вскоре слуга вернулся, неся аккуратно сложенную свежую одежду и мягкое полотенце. Почтительно поклонившись, он жестом пригласил Шэнь Яо следовать за ним и повел его по коридору к гардеробной.

Под ногами лежал пушистый ковер, скрадывавший каждый шаг. Шэнь Яо шел не спеша, то и

дело задерживая взгляд на изящных настенных фресках и старинных картинах, украшавших коридор.

Убранство верхнего этажа разительно отличалось от строгой, парадной роскоши залов внизу. Здесь преобладали мягкие, пастельные тона, а продуманное освещение и уютная мебель создавали атмосферу домашнего тепла. Это было совсем не похоже на аскетичный и властный характер Янь Чжисина.

Шэнь Яо как бы между прочим поинтересовался:

— В этой усадьбе бывает только во время приемов?

— Нет, что вы, — уклончиво ответил слуга. Он не знал, кем приходится хозяину этот красивый гость, а потому панически боялся сболтнуть лишнего или, напротив, показаться невежливым.

— Господин Янь иногда приезжает сюда отдохнуть на пару дней.

К величайшему облегчению проводника, юноша больше не задавал вопросов.

В гардеробной их встретило огромное ростовое зеркало. Шэнь Яо аккуратно снял испачканный пиджак и стянул липкую от пролитого алкоголя шелковую рубашку. Новый костюм пах тонким, благородным парфюмом. Это была классическая черная двойка безупречного кроя, лишь в мелких деталях отличавшаяся от его собственного наряда.

Омега неторопливо застегнул пуговицы и, глядя на свое отражение, разгладил едва заметные складки на лацканах.

Когда он спустился в балльный зал, торжество было в самом разгаре. Музыка гремела, а гости предавались беззаботному веселью.

Янь Чжисин стоял в центре зала. Под руку его держала мать — классическая восточная красавица, хрупкая и утонченная. Время пощадило ее: мелкие морщинки в уголках глаз ничуть не портили благородного лица, лишь придавая ее облику особую, зрелую прелесть.

В семье Янь всегда ревностно оберегали чистоту крови. В свое время совет старейшин со скрипом одобрил брак его родителей только потому, что отец вошел в семью на правах примака, а новорожденный Чжисин получил фамилию матери. То, что полукровке в итоге удалось захватить бразды правления и стать полноправным главой рода, казалось немыслимым чудом, шедшим вразрез со всеми вековыми устоями.

Чжисину не нужно было делать ни шагу — гости сами выстраивались в очередь, чтобы засвидетельствовать свое почтение.

Однако тот едва пригубливал подносимые бокалы. И лишь когда к нему подошла статная

женщина-альфа, он позволил себе сделать полноценный глоток, приветственно салютуя ей.

Шэнь Яо никогда не сталкивался с ней лично, но по перешептываниям гостей сразу понял: перед ним представительница могущественной семьи Гу. Из всей этой праздной толпы она была единственной, чье присутствие заставило сурового главу Янь проявить хоть каплю уважения.

Спускаясь по широкой мраморной лестнице, Яо услышал знакомый голос своего дяди, Шэнь Фулиня:

— Яояо.

Фулинь лично заказывал для племянника костюм у лучшего портного, поэтому мгновенно заметил подмену. В глазах мужчины промелькнуло беспокойство:

— Что произошло наверху? Почему ты переоделся? Шэньмянь спускался и сказал, что ты наотрез отказался возвращаться к гостям.

Стоявший рядом Шэнь Шэньмянь затравленно отвел глаза, на его лице читался явный страх. Яо мимолетно взглянул на него, но выдавать кузена не стал:

— Ничего страшного, дядя. Я случайно опрокинул на себя бокал. Пришлось попросить прислугу подыскать мне сухую замену.

— Ну надо же, какой ты неловкий, — мягко пожурил его Фулинь, добродушно улыбнувшись. — Впрочем, пустяки. Со мной в молодости тоже приключился подобный конфуз, причем прямо посреди переполненного зала. Вот тогда мне действительно хотелось сквозь землю провалиться.

К концу приема силы окончательно покинули Шэнь Яо. Дядя уехал по делам на другой машине, а чтобы избежать назойливых расспросов кузена в салоне их автомобиля, юноша просто прислонился виском к прохладному стеклу и закрыл глаза, делая вид, что спит.

В полумраке его мысли начали путаться, унося в далекое прошлое. Ему было всего пять лет, когда они с родителями оказались в эпицентре вооруженного мятежа за границей. Все произошло в одно мгновение прямо на его глазах: отец и мать закрыли его своими телами от града свистящего свинца и погибли на месте от шальных пуль.

Он помнил, как сидел в коридоре больницы, окоченевший от ужаса, не понимая, как дышать и где взять слезы. Лишь когда Шэнь Фулинь, изможденный и бледный после экстренного перелета, ворвался в приемный покой и крепко прижал его к себе, ледяной панцирь внутри мальчика треснул, и он зашелся в безудержном плаче.

Семья Шэнь никогда не отличалась многочисленностью. После гибели брата Фулинь остался единственным наследником и взял на себя бразды правления семейным делом.

Маленького Яо поначалу отправили жить к дедушке. Дядя регулярно навещал их в Старой усадьбе семьи Шэнь, окружая племянника заботой. Когда же старейшина Шэнь скончался после затяжной болезни, Фулинь официально оформил опеку над сиротой.

Ночная тишина в родовой усадьбе Шэнь была почти осязаемой — казалось, можно услышать шорох опадающей листвы в саду. Шэнь Яо вышел из машины и безмолвной тенью направился в свои покои.

Поступив в университет, он почти перестал здесь бывать. Отыскав наощупь выключатель, Яо зажег свет в комнате, где провел все свое детство.

Юноша подошел к окну. Сквозь переплет старинной рамы виднелся малый западный корпус — изящный трехэтажный флигель, который дядя построил специально для приема особо важных гостей. Строение тонуло в густой тени вековых деревьев, ровесников самой усадьбы.

В призрачном серебряном свете луны Яо разглядел фигуру дяди, направлявшегося к флигелю. Следом за ним шел мужчина в дорогом деловом костюме. Из-за расстояния разглядеть лицо незнакомца было невозможно, но его силуэт до странности напоминал очертания фигуры самого Фулиня.

К горлу мгновенно подкатила тошнота. Едва сдерживая рвотный позыв, Шэнь Яо бросился в ванную комнату. Схватившись руками за края раковины, он содрогнулся в судорожном спазме, но желудок был пуст — за весь вечер он не съел ни крошки, и наружу выходил лишь горький воздух.

Он не стал включать свет. В полумраке, рассеиваемом лишь бледным сиянием луны, Яо поднял голову и посмотрел на себя в зеркало. Мертвенно-бледная кожа контрастировала с природной, почти пугающе алой краснотой губ. Он медленно коснулся своих скул холодными пальцами.

Его лицо не выражало никаких эмоций, но даже в этой маске безразличия он казался прекрасным и порочным, точно восставший из могилы демон искушения. Невероятная внешность всегда была для него обоюдоострым клинком: она открывала любые двери и даровала безграничную власть над сердцами, но взамен требовала непомерную плату, притягивая к нему самых опасных хищников.

И порой Шэнь Яо сам не знал, чего в этом даре больше — благословения или проклятия.

Раздался негромкий, настойчивый стук. Ополоснув лицо ледяной водой, Яо подошел и отпер дверь. На пороге стояла служанка в строгом форменном платье. Не поднимая глаз, она произнесла бесцветным голосом:

— Господин Шэнь просит вас немедленно пройти в Малый западный корпус.

Юноша лишь тихо уронил короткое согласие.

Как только горничная удалилась, в кармане брюк завибрировал мобильный. Шэнь Яо держал аппарат выключенным весь вечер, и теперь экран буквально взорвался лавиной пропущенных вызовов и уведомлений.

Судя по времени, Сюй Ибай уже должен был приземлиться. Но найти дорогу в уединенное поместье омеги он не мог при всем желании.

Помимо бесконечных звонков от Ибая, дисплей был забит сообщениями от Дай Синхуэя. Парень, судя по всему, успел приревновать, обидеться, перекипеть в собственном соку и теперь засыпал Яо робкими, заискивающими посланиями.

«Меня заперли дома под домашний арест, так что на прием я попасть не смог»

«Тот ублюдок-альфа, которого в прошлый раз вышвырнули, трепал своим грязным языком... Рассказывал про тебя всякие гадости, ту самую мерзкую ложь времен твоей учебы в университете... Понятия не имею, откуда он вообще это выкопал»

«Эта мразь тебя даже не знает лично, но посмела разевать пасть! Да он твоего мизинца не стоит!»

«Короче, мы с ребятами поучили его хорошим манерам. Больше ты от него ни слова не услышишь, я лично об этом позаботился»

Шэнь Яо проигнорировал все сообщения. Заблокировав экран, он убрал телефон обратно в карман и решительным шагом направился к Малому западному корпусу. Ступени малого корпуса не освещались электричеством — лишь тусклое пламя свечей, скрытых под стеклянными плафонами, бросало на стены зыбкие, дрожащие тени.

Поднявшись наверх, он остановился перед неприметной дверью в самом конце коридора.

Изнутри донесся мягкий, обволакивающий голос дяди, звучавший с привычной, почти отеческой теплотой:

— Яояо, это ты? Заходи.

Юноша молча толкнул створку. Перед ним была небольшая, полутемная комната, обставленная лишь парой кожаных кресел и низким журнальным столиком. Фулинь сидел на диване, окруженный плотным облаком едкого табачного дыма.

Не оборачиваясь, он небрежно стряхнул пепел в массивную хрустальную пепельницу и тихо спросил:

— Почему ты стоишь у порога? Подойди ближе.

Едва переступив порог, Шэнь Яо словно превратился в безжизненную восковую куклу. Сдерживая дыхание, он сделал несколько неверных, одеревеневших шагов вперед, но замер на значительном расстоянии от мужчины, упорно отказываясь поднимать глаза.

Однако Фулинь внезапно рванулся навстречу. Его пальцы стальными тисками впились в подбородок племянника, безжалостно вздергивая его лицо вверх и заставляя развернуться к стене:

— Я сказал — ближе!

Лицо Яо сделалось мертвенно-белым, в широко распахнутых глазах застыл непередаваемый ужас. Омега застонал от боли, его густые ресницы затрепетали, а в уголках покрасневших глаз вскипели горькие слезы.

Но то, что на первый взгляд казалось глухой стеной, на самом деле было огромным зеркалом-шпионом со светопропускающей способностью лишь в одну сторону. И теперь Яо, намертво зажатый сильными пальцами опекуна, был вынужден смотреть прямо сквозь стекло в соседнее помещение.

Там, на необъятном ложе, тот самый гость, что шел за дядей по двору, предавался безудержной, дикой похоти с незнакомым омегой. До Яо не доносилось ни единого стога, но кристально чистая видимость позволяла рассмотреть каждую деталь этого скотского соития: искаженные страстью лица, судорожные движения и сплетение лоснящихся от пота тел.

Зрелище было омерзительным до глубины души.

Горячие слезы наконец хлынули из глаз юноши. Он отчаянно забился в руках мучителя, словно выброшенная на прибрежный песок рыба, безуспешно пытающаяся высвободиться и спастись.

«Убирайся! Пусти меня! Не смей прикасаться!»

Этот безмолвный, истошный крик застрял в его спазмированном горле. Омегу вновь вывернуло наизнанку; он судорожно зажал рот ладонью, подавляя очередной приступ рвоты.

В пылу этой безмолвной борьбы они задели журнальный столик. Стоявшая на краю чашка с оглушительным звоном полетела на пол, разлетевшись на мелкие осколки.



— Веди себя смирно! — рявкнул Фулинь.

С силой дернув племянника за воротник рубашки, он швырнул его на колени. Яо с силой ударился о твердый паркет, вскрикнув от острой боли. Лицо его исказилось, но сопротивление мгновенно угасло — юноша затих, безвольно обмякнув, словно окончательно смирившись со своей участью.

Его хрупкие плечи мелко дрожали, а в ушах стоял непрекращающийся, глухой гул.

Мужчина ласково, почти нежно провел ладонью по его спине. Его тон вновь сделался мягким и заботливым, как у любящего родителя, укоряющего свое дитя за глупую шалость:

— Ну вот, глупый мальчик. Почему нельзя было сразу подчиниться?

— Мы ведь проходим через это далеко не в первый раз. К чему эти бессмысленные сцены? Зачем доводить до такой низости?

С тех пор как Шэнь Фулинь унаследовал семейное дело, дела семьи неуклонно катились в пропасть. Но даже в мутной воде можно поймать рыбу, если умело пристроиться к чужому пиршеству и довольствоваться крохами со стола сильных мира сего.

Будучи никчемным дельцом, не способным удержать великое наследие предков честным трудом, Фулинь не придумал ничего лучше, как торговать живым товаром. Построив этот уединенный Малый западный корпус, он превратил его в элитный закрытый притон, куда заманивал несчастных, отчаянно нуждающихся в деньгах омег и бет.

Так он наладил тайные поставки плотских утех для самых влиятельных и порочных чинов столицы.

Почувствовав, как пальцы дяди ослабили хватку, Яо понял, что интерес к его персоне временно угас. Тень покорного страха мгновенно сошла с его лица, уступая место ледяному, расчетливому безразличию.

На его губах даже заиграла легкая, едва заметная усмешка. В ней не было горечи — лишь искреннее, холодное веселье от абсурдности происходящего.

Такие дуралеи, как Дай Синхуэй, видели в нем недостижимый идеал, чистейший лунный свет, к которому страшно даже прикоснуться, и трусливо вздыхали в сторонке. Сюй Ибай боготворил его, сдувая пылинки и не смея повысить голос. Даже его первая школьная любовь робко считала его невинным ангелом, робея углубить поцелуй при встрече.

И лишь лицемерный Шэнь Фулинь досконально понимал истинную, гнилую натуру человеческих пороков. Он никогда не скупился на содержание племянника: покупал ему

лучшую одежду, оплачивал самые дорогие прихоти, сознательно возвращая из него ту самую недостижимую луну, сияющую на недостижимой высоте.

А все ради того, чтобы в один прекрасный день продать эту безупречную драгоценность подороже.

Сама мысль о том, чтобы низвергнуть это чистейшее создание в непролазную грязь порока, заставляла похотливую кровь стареющего дельца бурлить от сладостного предвкушения.

Убедившись в полной покорности жертвы, дядя опустил взгляд, с садистским удовольствием вглядываясь в искаженное страхом лицо юноши. На середине этого отвратительного представления он наконец проявил милосердие и небрежным жестом отпустил омегу.

Каждый шаг отзывался острой, ноющей болью в ушибленных коленях. Цепляясь пальцами за стены, Шэнь Яо с трудом добрался до своей спальни в главном доме. Склонившись, он брезгливо стряхнул серую пыль с брюк, после чего выдвинул ящик комода и достал оттуда связку автомобильных ключей.

Фулинь мастерски играл свою роль перед обществом — все знали его как добропорядочного, любящего опекуна, заменившего сироте отца.

Но и сам Яо был гениальным актером. Он виртуозно разыгрывал карту сломленного, беззащитного существа, не способного дать отпор жестокой судьбе.

Для всех он оставался лишь хрупким танцором, лишенным связей и веса в Бэйчэне. Эта иллюзия слабости усыпляла бдительность дяди, заставляя того самонадеянно верить, будто марионетка полностью послушна его воле.

Яркие лучи фар разрезали ночную тьму. Опустив боковое стекло, Яо впустил в салон прохладный ночной воздух. Его пульс давно пришел в норму, и он вел машину на удивление неторопливо и плавно.

Юноша заранее предвидел очередной сеанс извращенной терапии от своего опекуна, а потому благоразумно отказался от ужина. Теперь же, после пережитых спазмов, пустой желудок отзывался противной, ноющей болью.

Припарковав автомобиль у высотки, он приложил электронный пропуск к терминалу, поднялся на лифте на нужный этаж и негромко постучал в дверь.

Едва створка распахнулась, как Шэнь Яо с привычной легкостью бросился вперед, оббивая руками тонкую талию Сюй Ибая. Вскинув сияющее лицо, он весело выдохнул:

— Сюрприз!

Приподнявшись на цыпочки, он ласково коснулся губами его рта, привычно расточая сладкую ложь:

— Я так скучал по тебе, братец.

Его смех звучал беззаботно и легко, словно и не было этих трех дней полного молчания, а его внезапное появление и нежные объятия были самой естественной вещью на свете.

Однако Ибай остался неподвижен. Он крепко сжал челюсти и даже не попытался прижать юношу к себе. Парень не спал более суток; весь долгий перелет его терзали мрачные думы и страх, что возлюбленный решил навсегда разорвать их связь.

Сразу из аэропорта он помчался к квартире Яо, но на его стук никто не ответил. Прождав там до самой ночи, он вернулся к себе лишь для того, чтобы застать беглеца на пороге.

Омега проделывал подобные трюки с исчезновением регулярно, каждый раз ловко заглаживая вину страстными поцелуями и лаской.

Но на этот раз чаша терпения Ибая переполнилась. Решительно перехватив тонкое запястье Шэнь Яо, он без лишних слов втянул его внутрь квартиры.

<http://bllate.org/book/18245/1748433>